

**XVII ЕЖЕГОДНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ – XX ВЕК»

Тема конкурса:
«История семьи»

Селина Ирина Владимировна. МБОУ «Верхнекужебарская средняя общеобразовательная школа имени В. П. Астафьева», 10 класс

Руководитель исследовательской работы Моршнёв Александр Михайлович, учитель истории, Селина Елена Владимировна, учитель технологии, педагог дополнительного образования.

с. Верхний Кужебар
2016 год

Оглавление

Введение	стр. 2
Основная часть	
1. Истоки рода Селиных по отцовской линии папы Селина Владимира Михайловича	стр. 4
2. Прабабушка и прадедушка Селин Тимофей Дементьевич и Юлия Петровна, родители дедушки Михаила Тимофеевича.....	стр. 13
Заключение.....	стр. 18
Литература.....	стр.19

ВВЕДЕНИЕ

У каждого народа своя история, свои даты и переживания, связанные с ними. И у каждого человека есть своя история – история рода, история семьи. История жизни – это огромная книга с великим содержанием. Каждая страница – это частица пройденного пути.

Место человека на Земле определяется генеалогическими корнями, отсчитываемыми по отцовской линии. Поэтому не является праздным вопрос: откуда я родом, какова наша судьба в истории, куда ведут караванные тропы будущего?

Генеалогия (греч. *genealogia* – родословная) – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая происхождение и родственные связи исторических лиц, родов, фамилий .

Генеалогия веками вырабатывала нормы оформления сведений о родстве в виде различных таблиц, росписей, досье, карточек. Устанавливались чёткие правила заполнения этих документов: графика, символика, нумерация и так далее.

Благодаря своеобразному языку генеалогии, независимо от того, где составлен генеалогический справочник, прочесть его могут практически везде.

Самой распространенной формой, наглядно показывающей родство, является родословное древо.

Прошли те времена, когда люди не могли говорить о своём историческом прошлом, гордиться тем, что составляет истинную гордость народа.

Моя родина – Сибирь, село Верхний Кужебар, Каратузского района, Красноярского края.

Изучением истории своих предков я занимаюсь уже не первый год, ещё многое мне неизвестно и очень интересно узнавать новые подробности истории моего рода. Мой папа, Селин Владимир Михайлович, в паспорте у него стоит запись: «национальность – русский». И в этом я убеждаюсь, изучая родословную: нет никаких примесей в роду других национальностей. В 2015 году на конкурс я представила исследование-родословную моего папы по материнской линии. Эта исследовательская работа – родословная папы по отцовской линии.

В своей работе я в основном опираюсь на воспоминания о своих предках моего папы. Большой объём архивной информации о наших предках я взяла с сайта Кравченко Руслана, нашего земляка. Хорошим подспорьем в исследовании стали рассказы Валентины Тимофеевны (сестры дедушки) и Алексея Васильевича (брата дедушки).

Моё село – это родина моих предков, которые обосновались в нём с 1853 года. А до этого их жизнь протекала вдали от этого села и родиной их была, также как и у прародителей моей бабушки, Орловская губерния, Ливенский уезд, Успенская волость, село Свиная Дубрава (ныне Свободная Дубрава).

Объектом исследования являются этапы жизни рода Селиных по отцовской линии моего папы.

Издrevле на Руси семья – это отчий дом, где из поколения в поколение передаются определенные традиции и культурные ценности, уважение к старшим, забота о младших, воспитываются самые важные человеческие качества. Я думаю, что чем крепче семья, тем сильнее общество.

Основная часть
Истоки рода Селиных –
по отцовской линии папы, Селина Владимира Михайловича

Первые переселенцы, прибывшие в заснеженную Сибирь, умели выбирать места для постоянного проживания.

С расширением золотых приисков правительство усиленно проводило заселение тубинского бассейна из жителей разных губерний, тем самым поддерживало золотую промышленность, так как для государственной казны нужно было золото, а добыча его способствовала лучшему ведению сельского хозяйства.

Поселенцы, заселённые в эти годы, шли на капиталистические прииски добровольно, и это было выгодно хозяевам. В это время массово заселяется Верхний Кужебар. До 1846 года он существовал, как перевалочная база, а в 1846 году был зарегистрирован в Сагайском волостном и Минусинском уездном управлениях как населённый пункт с названием Верхний Кужебар. (По новым данным дата основания всех трёх Кужебаров – 1853 г., данные краеведа И. И. Соболева).

В 1853 году прибыли переселенцы из Орловской губернии (**ГАКК Ф.160. Оп.3. Д.489 «Ревизские сказки о переселенцах Орловской губернии, прибывших в 1853 г. и водворённых в Тесинской волости Минусинского округа» (230 с.)**), маршрутники, которые на Орловщине имели большую льготу за какие-то заслуги перед правительством (неизвестно), им была выдана царская грамота на право заселения правого берега реки Амыла от Красной речки до нижнего устья речки Сап.

Тогда, до постройки Сибирской железной дороги, переселенцы тысячи километров шли пешком, ехали на лошадях 5-6 месяцев.

Земледелие, скотоводство, различные промыслы стали основными занятиями верхнекужебарцев. В это же время на деньги зажиточных селян была возведена церковь, при ней существовала церковно-приходская школа.

Прародители моего дедушки, Селина Михаила Тимофеевича, так же, как и прародители моей бабушки, Селиной Елены Изосимовны, прибыли из Орловской губернии, Ливенского уезда, с. Свиная Дубрава.

Самый старейший из предков – Михаил Павлович Селин, родился в 1771 году – Орловская губерния, Ливенский уезд, с. Свиная Дубрава. Смерть наступила в 70-летнем возрасте 1841 года, похоронен в Орловской губернии, Ливенского уезда, с. Свиная Дубрава.

У Михаила Павловича был один сын (а, может быть, были и ещё дети) Никита Михайлович; дата и место рождения: 1806 году, Орловская губерния, Ливенский уезд, с. Свиная Дубрава. Никита зарегистрировал свои отношения и обвенчался с Акилиной (г. рож. 1804 г.). У них имелись трое сыновей и две дочери, по имени Андрей (1821 - 27 апр 1856г.г.), Автоном (1826 г.), Михаил (1841 г.), Евдокия (1835 г.) и Мария (1846 г.). Никита Михайлович умер в 39-летнем возрасте в 1845 г., похоронен на своей родине.

Акилина с детьми в 1852 году так же, как и многие жители Орловской губернии, переехала в Сибирь, в село Верхний Кужебар.

Сын Никиты Михайловича – Михаил Никитич, четвертый ребенок в семье. Михаил зарегистрировал свои отношения и обвенчался в В.-Кужебарской Покровской церкви в 1863 году с Александрой Григорьевной Гнездиловой 1844 года рождения. У них имелись пять сыновей и семь дочерей, по имени Виктор (2 ноября 1865 г.), Павел (1866 г.), Дементий (1871 г.), Матвей (7 ноября 1876 г.), Василий, Анисия (20 декабря 1863 г.), Параскева (1864 г.), Мария (1871 г.), Пелагия (2 мая 1874 г.), Мария (27 февраля 1879 г.), Хиония (3 января 1882 г.) и Анна (14 июля 1884 г.). Все дети рождены в селе Верхний Кужебар.

Но Михаилу Никитичу не пришлось долго жить: умер он в 44-летнем возрасте 1 января 1885 году и похоронен в с. Верхний Кужебар.

Дети росли, помогали матери вести хозяйство. Взрослея, создавали свои семьи и отделялись от родителей. Так, Параскева Михайловна вышла замуж за Михаила Леонтьевича, они зарегистрировали свои отношения и обвенчались 9 ноября 1887 г. в В.-Кужебарской Покровской церкви, венчал брачующихся

священник Коровин Николай Егорович (отец Николай). У Михаила уже был первый брак, но жена умерла и у него было уже трое детей. Михаил Леонтьевич – дедушка моей бабушки, Елены Изосимовны. Так объединились две семьи первый раз. Параскева родила Михаилу пять сыновей: Изосим г. рожд. 18.06.1889 г., Герман г. рожд. 11.09.1891, он прожил чуть больше двух лет и 27.11.1893 г умер, Пётр г. рожд. 01.07.1894, Артемий г. рожд. 19.07.1905, Максим г. рожд. 1908 и две дочери – Анна г. рожд. 1907 и Агния г. рожд. 1903. Семья стала большой и дружной.

Сын Михаила Никитича Дементий (г. рожд. 1871 г.) – шестой ребёнок в семье. Дементий зарегистрировал свои отношения ЗАГСе и обвенчался 5 сентября 1890 году в В.-Кужебарской Покровской церкви с Евдокией Тимофеевной Синютиной 1874 года рождения. В семье 6 октября 1891 г родилась дочь Пелагия.

Но молодой отец получил повестку о воинской службе. По традиции его вместе с родителями родственники приглашали в гости прощаться. В день проводов парень приглашал к себе за стол родственников и друзей. Проводился обряд выкупа ружья. Затем мать благословляла сына и выводила его из дома спиной.

Историческая справка: *«Рекрут – (от французского набирать войска) лицо, принятое на воинскую службу по найму или по повинности. В русской армии в 1705-1874 лицо, зачисленное в армию по рекрутской повинности, в 1874 заменено словом «новобранец»».*¹

Призывали в российскую армию парней по достижении совершеннолетия, а оно наступало в 21 год. Даже после введения в 1874 году всеобщей воинской повинности «забривали лоб» далеко не всем: чего-чего, а численного недостатка в «нижних чинах» вооруженные силы не испытывали. Одна из причин, по которой давалась отсрочка от службы или полное освобождение от призыва, – плохое состояние здоровья или слабое физическое развитие.

¹ Большая советская энциклопедия М.; 1975 стр. 617

В целом в течение всей «капиталистической» эпохи медики отмечали «благоприятное сочетание» высокого по тем временам роста и хорошего здоровья у молодежи, идущей на службу из сибирских губерний и областей. За малый «неуказный» рост здесь браковали всего до 25 человек из каждой тысячи представленных к набору. В течение десятилетия (1874–1883) в среднем по Сибири высокорослых юношей (выше 173 см) оказывалось при осмотре около одной пятой части, а малорослых (ниже 153) немногим более десятой части. Средний рост призывников из Сибири составлял примерно 165 см, при окружности грудной клетки 897 мм.

А как насчёт прочих «телесных недостатков», а также «невозмужалости» и хронических болезней? Из-за всех этих напастей в период 1863–1868 годов не был рекрутирован в войска каждый одиннадцатый юноша, представленный к набору. В 70–80-х годах 19 века, когда набор стал более массовым, негодным к воинской службе оказался уже каждый третий-шестой.

Интересно, что по основным показателям здоровья и по росту молодежи (и, значит, всего населения) Сибирь в изучаемое время действительно находилась на одном из лучших мест в империи. Высокорослых призывников было больше только в Прибалтике и казачьих районах юга России.

Представить обстановку, в которой члены воинского присутствия вели освидетельствование крестьянских парней, нам помогут воспоминания чиновника Н. Зинина. На рубеже 80–90-х годов 19 века он руководил этой работой в Мариинском округе Томской губернии. «Много калек и больных сифилисом, так что пришлось принять разные предосторожности. Например, заставить всех подлежащих освидетельствованию вымыться в банях. Так как доктор прикасался к больным, то его мы особенно опасались, и для него клались особые ручки с пером черного цвета, до которых никто не решался дотронуться. Был весьма интересный инструмент для определения присутствия грыжи. Это пустая бутылка от вина. Каждый из освидетельствуемых должен был взять горлышко бутылки в рот, сжать

губами и надувать ее, а мы в это время наблюдаем, выходит грыжа или нет. Призывники оказывались неловкими или брезгливыми и, не забирая горлышка в рот, дули в бутылку издали, тогда их поправляли. Я спрашивал доктора, нет ли другого способа исследования грыжи, но он находит этот способ самым простым и удобным. Бутылка всюду найдется, а другой инструмент вози с собою, да еще, пожалуй, чего доброго, забудешь взять».

Итак, несмотря на то, что некоторые показатели в Сибири, особенно в деревнях, выглядели лучше, чем в европейской части России, в нашем крае было немало юношей и со слабым здоровьем. Не следует думать, будто избежавшие смерти в раннем детстве молодые люди были исключительными здоровяками. На организме многих из них оставалась печать несытого детства, перенесённых болезней, тяжёлого труда в условиях сурового климата. Не были совершенными и санитарно-гигиенические навыки молодежи, приобретающиеся в семье.

«По складам, так не грамотей...»

В воинских присутствиях обязательно регистрировалась грамотность новобранцев. Имевшие свидетельства об образовании получали льготу – сокращённые сроки службы, студенты – отсрочку от призыва. В основном являющиеся к набору были вовсе неграмотными, а объявившиеся «грамотными» в большинстве случаев на льготу рассчитывать не могли, поскольку не окончили даже начальной школы.

Со временем, конечно, доля «грамотеев» среди призывников росла. Приведу цифры по Томской губернии. К 1880 году из общего числа поступивших в армию и не имевших льгот по образованию здесь было около 10 процентов грамотных, а в 1904 году (шла русско-японская война) – третья часть. В годы Первой мировой войны среди «взятых под красную шапку» по Сибири в целом оказалась уже половина грамотных. При этом образовательный уровень сибиряков считался одним из самых низких. В среднем по Российской империи к 1914 году грамотными себя называли более двух третей новобранцев.

Вот как передает рассуждения своих односельчан из Минусинского уезда Енисейской губернии начала 20 века о пользе образования автор интереснейших мемуаров Игнатий Ростовцев. «Хочешь не хочешь, а хоть парнишек приходится учить. Потому что пришли такие времена, что без грамоты стало как без рук. То письмо откуда-нибудь придёт, то самим надо кому-то написать. Каждый раз надо ходить, да кланяться. А не дай Бог война. Сколько народу угонят в солдаты. Тут уж неграмотному человеку совсем беда. Увезут куда-то – и ни слуху, ни духу. Может, на счастье, и придёт искалеченный. А то и совсем сгинет на чужой стороне. Как в воду канет. А грамотный человек все-таки весточку подаст».

Конечно, если отдельно рассматривать сельскую местность, показатели грамотности призывников окажутся ещё меньше, да и качество их образования – хуже, чем у горожан.

Очень важный момент: служба в армии являлась одним из источников пополнения гражданского населения грамотными людьми. Дело в том, что после введения всеобщей воинской повинности обучение грамоте во время службы стало обязательным для всех солдат и матросов. И вот результат: к концу 19 века на воинской службе приобретали грамотность около 8 процентов общего числа российских и сибирских «грамотеев». Не ахти каким мудрёным было солдатское образование, но всё же иные отставные военные, возвратившись домой, сами начинали преподавать в «домашних» и официальных школах.

Чья душа в грехах, та и в ответе

Вот вам ещё одна цифра из военно-призывной статистики. В начале 1880-х годов среди новобранцев православного исповедания из Западной Сибири доля не бывавших в церкви на главных таинствах – у исповеди и причастия – в течение года и более равнялась 97 (да, девяносто семи!) процентам. Почти половина парней вообще ни разу в жизни или по крайней мере в последние пять лет перед призывом не исповедовалась и не причащалась. Мало кто знал и мог пересказать все библейские Божьи заповеди: хорошо, если из сотни

«призывных» – 2–3 человека. Такая ситуация была типичной для Сибири в течение длительной исторической эпохи, и она невыгодно отличала наш край от центральной полосы России, где население было в целом более набожным.

Конечно, речь здесь не может идти о широком распространении атеизма. Почти все русские крестьяне и большинство горожан искренне считали себя православными христианами. Однако религиозность сибиряков обычно не проявлялась в особой внешней набожности, церковь они посещали только по большим праздникам. К тому же вера народа не совпадала с официальным церковным учением, – в ней было немало пережитков язычества, разных суеверий. И еще – стойкое отчуждение слишком многих от церковного клира. Отчуждение, вызванное и частыми конфликтами при взимании с прихожан церковной руги, и поборами причта при отправлении треб, и дурными нравами иных церковнослужителей. Да и просто малым количеством церквей в обширном, быстро заселяющемся крае. Согласно докладом епископов Святейшему Синоду, от половины до двух третей и более жителей сибирских селений не подходили к исповеди больше года, а иногда и по 10–20 лет.

Высокопоставленные священники не раз обсуждали, как эффективнее влиять на воспитание и образование подрастающих поколений, но на практике слишком часто снова и снова пытались силой принудить молодежь к посещению храмов. В деревнях «нерадеющих» вызывали в церковь через волостных старшин и сельскую полицию, отказывались венчать брак без предварительной исповеди, задерживали выдачу паспортов на отлучку. Высокую нравственность такими мерами вряд ли воспитаешь...

И вот всё чаще жалуются по сибирским селениям старики и почтенные люди, что «молодытник совсем вышел из повиновения и творит, что ему угодно».

А в мирное время прощание с «некрутами» обычно происходило по-иному. Снова вспоминает Игнатий Гаврилович Ростовцев: «После прощального завтрака с участием всей родни начинается обряд прощания. Рекрут кланяется земным поклоном тятеньке и мамоньке и просит у них

родительского благословения. Отец и мать со слезами благословляют сына на дальнюю дорогу, на тяжёлую солдатскую долю. Если новобранец женат, он кланяется своей молодой жене тоже земным поклоном, просит прощения за все свои обиды и наказывает ей оставаться ему верной женой. Потом он кланяется поясным поклоном всему честному народу, пришедшему на его проводы, и просит не поминать его лихом, если ему придется сложить свою головушку на чужой стороне».

Нет, не было в прошлом золотого века. И в позапрошлом тоже не было, и в будущем он вряд ли приключится. Со слезами на глазах уходили в русскую армию и в большинстве случаев честно служили наши прадеды и деды. Нет никакого смысла ни приукрашивать, ни метить черным клеймом их самих и ту эпоху, в которую им выпало трудно жить, а случалось, и погибать за Родину. Теперь наш черед. Сможем ли жить и служить хотя бы не хуже дедов? Не хуже тех, которые тоже когда-то были молодыми...»

В нашем селе жители собирались и шли провожать молодого бойца до Прощальной горки, которая находится перед въездом в село (село наше тупиковое и в конце села дороги нет). Мать шла в конце процессии и громко вопила. Дальше шли провожать родители и невеста, или жена. Они шли почти 2-3 км. Родители отставали, а молодой боец с женой и дочкой ещё 100 метров двигались вместе. Затем отец (а так как у Дементия не было уже отца, то отвозил его кто-то другой) сажал на лошадь, и они ехали на призывной пункт.

По воспоминаниям родственников Дементий прослужил в царской армии 12 лет, но по архивным данным рождения детей промежутки между рождением детей получается всего лишь 10 лет; может, он имел свидетельства об образовании и получал льготу – сокращение сроки службы. А, может, за награды, с которыми он пришёл – с двумя Георгиевскими крестами. Теперь уже никто не может рассказать какими – золотыми или серебряными крестами, и за что он был ими награждён. После службы Дементий вернулся в родное село к семье и жизнь продолжилась в работе и семейных заботах. Семья прибавлялась, кроме Пелагеи ещё родились четверо сыновей Егор (1902 г. – 194..г.), Тимофей

(1904 г. – 22 января 1942 г.), Иоанн (7 мая 1907 г. – 1958 г.), Федот (17 мая 1914 г. – 194..г.), и дочь Агафья.

Пелагея Дементьевна в 19 лет вышла замуж за Варсонофия Алексеевича Копцева. Свои отношения они зарегистрировали в ЗАГСе и обвенчались 25 октября 1910 г. В-Кужебарской Покровской церкви. В семье родилось аж 9 сыновей. Но к старости Пелагея осталась одна. Все сыновья, её кормильцы погибли при участии в различных войнах. За последнего сына, погибшего в ВОВ она получала пенсию 12 рублей. Проживала она по улице Будённого в доме № 64. Любила выпивать (может, тем самым закрывала свою тоску по погибшим детям). Свою избушку, в которой проживала, продала при жизни за 10 руб., но покупатели не выгнали её, а дали дожить до конца своих дней.

В годы Первой Мировой и гражданской войн неизвестно, воевали или нет Егор Дементьевич и Тимофей Дементьевич. Но в бандах за красных и белых замечены не были.

Егор Дементьевич женился на Марии. У него родилась единственная дочь Екатерина, которая проживает сейчас в г. Черногорске. У неё не сложилось обзавестись семьёй и детьми. Она прожила всю жизнь одна, помогая племянникам. Егор Дементьевич в годы Великой Отечественной войны был призван на фронт и пропал без вести.

Иоанн и Федот тоже в годы Великой Отечественной войны были призваны на фронт. Федот в ходе войны пропал без вести.

Иван (Иоанн) Дементьевич пришёл с фронта с простреленным лёгким. Мужчина он был крепкого телосложения, всегда краснощёкий, и никто не верил, что у него что-то болит. Занимался он столярными работами, и жители села о нём отзывались как о мастере своего дела. По улице Будённого построил себе дом (впоследствии с 1992 – 200 г.г. проживала в нём наша семья). В семье Ивана и Паны родились двое детей: Мария и Владимир. Иван умер в 1958 году.

**Прадедушка и прабабушка –
Селин Тимофей Дементьевич и Юлия Петровна,
родители дедушки Михаила**

Юлия Петровна, моя прабабушка – младшая дочь Петра Иоанновича и Параскевы Георгиевны Чирковых. У Юлии (г. рожд. 2 августа 1902 г.) было четыре брата: Киприан (1890 – 30 января 1892 г.г.), Илья (19 июля 1892 г.), Макар (1898 г.), Илья (1900 г.) и две сестры – Евдокия (3 августа – 16 августа 1894 г.г.), Параскева (1895 г. – 1983 г.).

Параскева Петровна вышла замуж за Сухорослова Архипа, уроженца села Нижний Кужебар. В семье родились Евдокия (2 апреля 1925 г.) и Дмитрий (1923 г.). Недолгим было счастье: главу семьи Архипа призвали в армию и в финскую войну он пропал. Параскева работала на сельской пекарне, семья не знала голода. Евдокия окончила школу и закончила бухгалтерско-агрономические курсы в г. Минусинске, а её брат Дмитрий всю жизнь проработал трактористом.

Юлия Петровна и Тимофей Дементьевич зарегистрировали свои отношения в ЗАГСе и обвенчались 14 января 1922 г.. Юлия Петровна была старше Тимофея Дементьевича на два года.

В этом же году у них родился первенец Михаил (17 ноября 1922 г.). Михаил в 7 лет пошёл в школу. Окончив 6 классов, в 1938 году пошёл работать в промартель им. Ворошилова. Учиться дальше возможности не было: нужно было помогать родителям кормить младших сестёр, которых в семье было на тот момент двое. Маленькая сестра, которая даже не была записана в церковной книге учёта населения при Покровской церкви, по причине того, что родилась слабенькой (и, видимо, долго не прожила) и Валентина (1936 г.). А в 1939 году родилась ещё одна сестра Мария. Вместе с отцом Михаил стал работать в качестве рамщика, выполняя всю работу наравне со взрослыми мужчинами. Труд подростка был оценен: за хорошие результаты в работе их с отцом отправили в районный центр, чтобы сфотографироваться. Такова была награда

за хороший труд. В райцентр, находящийся в 45 километрах, поехали на лошадях, т.к. другого транспорта в то время не было. Так дед впервые побывал в райцентре, так впервые увидел своё изображение на фотографии. И это было самой первой наградой в его жизни, которая бережно хранится в нашей семье до сегодняшнего дня.

Тимофей Дементьевич всегда хорошо работал: кроме этой награды была ещё поездка в г. Минусинск, где его сфотографировали на выточенном из дерева коне. Тимофей Дементьевич после трудового дня частенько выпивал и становился очень буйным. Иногда мог ударить свою жену, но однажды, когда подрос уже сын Михаил, был серьёзный разговор между сыном и отцом. Михаил сказал, что ему стыдно за отца и он не хотел бы, чтобы такое продолжалось. Отец послушал сына и буйств больше не повторялось.

Наступил грозный 1941 год. С началом войны на фронт стали забирать мужчин призывного возраста. Первым мобилизовали Тимофея Дементьевича и его братьев Егора, Федота, Ивана, а в октябре 1941 года призвали и дедушку Михаила, тогда ещё просто Михаила. Было ему в ту пору 18 лет.

И жизнь простого парня из сибирского села Верхний Кужебар Каратузского района круто перевернулась.

Тимофей Дементьевич 22 января 1942 года, участвуя в военных действий, был убит в 38-летнем возрасте. Похоронили – Новгородская область, Чудовский район, с. Спасское, а его братья пропали без вести.

Прабабушка Юлия Петровна до войны вместе с мужем Тимофеем работала в артели им. «Ворошилова», во время войны работала на кирпичном заводе. Кроме этого она молитвами и заговорами лечила сельчан. По воспоминаниям её дочери Валентины, в годы войны пришлось очень тяжело. Воспоминания Валентины Тимофеевны: *«Пришло время войны, тогда мне было пять лет. Почти всех мужиков забрали на фронт, в том числе и моего отца, и брата Михаила – остались в селе одни женщины, старики, да дети. Мама работала на Ворошиловском заводе с восьми и до пяти часов вечера (лесопиление), а я оставалась одна дома с младшей сестрой – ей тогда было*

полтора года. Маме на работе тогда давали паёк – по пять килограммов муки, пшена, гречихи. Все это она приносила домой и, более или менее сносно, мы были сыты.»

После смерти мужа, Тимофея Дементьевича, Юлия Петровна в 1945 году вышла во второй раз замуж за Макарчук Василия Устиновича 14 января 1897 года рождения. У Василия было четверо детей от первого брака. Два сына и две дочери. Сын Николай погиб в боях в ВОВ 22 декабря 1944 году. Пётр, Антонина и Варвара были с отцом. Семья стала большой.

Воспоминания Валентины Тимофеевны: *«Когда подошло время учёбы, пошла в школу в родном селе. Школа была деревянная, двухэтажная (там, где была школа, теперь – здание детского сада). Она пошла учиться в девять лет. Писали на любой бумаге, тетрадей не хватало, их выдавали сами учителя. Ручки были деревянные с пером, плюс чернильница – непроливайка.*

Отапливалась школа дровами – на этажах стояло по две печи – голландки. Зимой заготовленные дрова шли на отопление школы, а весной – летом брались за заготовку на новый учебный год. Готовили дрова родители вместе с учениками. На каждого школьника надо было заготовить два кубометра дров.

Одежду для школы шили сами, сумки были сшиты из холста. На ногах у кого что: у кого ботинки (бывало даже у кого-то не по размеру), у кого валенки. У меня были валенки; также еще шили бродни. Мне повезло с обувкой: мама вышла замуж за отчима, и он нам шил обувь. Столовой тогда в школе не было, до конца уроков приходилось и поголодать (ну, бывало, кто с собой приносил подкрепиться), в день было то три, то четыре урока – арифметика, русский язык, чистописание, физкультура, рисование. Уроки длились сорок минут.

После всех уроков шла домой, причем торопилась: предстояло еще нянчиться – водится с младшей сестрой Марией.

Вечером, до наступления темноты, трудовой «день» продолжался – отчим шил шубы, а мама помогала. Шубы были из овчины (овец тогда

держали в каждой семье). Из шкур овец шили ещё полушубки, тулупы, из козлиных шкур шили дохи.»

22 октября 1946 года Михаил был демобилизован, вернулся с фронта в возрасте 24-х лет. Мать с отчимом заслали сватов в семью Селина Изосима Михайловича, им понравилась скромная, добрая, красивая его дочь Елена, хоть она и была троюродной сестрой по отцовской линии. Так объединились две семьи во второй раз.

Михаил перевёз молодую жену в дом своей матери, сам работал в артели им. Ворошилова кузнецом. В 1948 году родилась дочка Надя, и молодая жена сидела дома с ребёнком, помогая свекрови по дому и хозяйству. Они долго не регистрировались, говорили: «Зачем, и так одна фамилия?».

9 марта 1946 году в 45-летнем возрасте Юлия Петровна родила сына Алексея.

Жили бедно. Колхозникам не выдавали паспортов. Каждая семья обязана была платить налог государству. Куры есть – сдай 250 штук яиц. Есть корова – сдай 300 литров молока. Зарезал поросёнка или телёнка – сдай 15-50 кг мяса и шкуру. Кроме этого, колхозник должен был выработать минимум 360 трудодней. На 5-7 лет сажали за сворованный в колхозе килограмм зерна или бутылку керосина.

Дети колхозников стремились отлично учиться, чтобы иметь возможность поступить в техникум или институт и вырваться из сельских забот.

Воспоминания Валентины Тимофеевны: *«Когда стала постарше, после школы запрягала корову и ездил по дрова. Приезжала где-то часов в восемь вечера, иногда успевала еще помочь маме, а после садилась за уроки.*

Еда домашняя была в основном с огорода, летом заготавливали, солили помидоры, огурцы (в деревянных кадках), капусту солили в деревянных бочках. Из солений было и многое другое. Вместо сахара (он был редко) была варёная свекла. Брели свеклу, натирали на мелкой терке, потом толкли клюкву, ещё смешивали с мякотью тыквы – получалось вкусно. Также ещё выращивали кукурузу, зерна её мололи на мельнице и пекли оладьи.»

Юлия Петровна вместе с Василием Устиновичем до пенсионного возраста работали в колхозе им. Ленина.

В семье строго соблюдались все церковные праздники и посты. Юлия Петровна была очень набожной и всегда молилась перед любым делом, при этом всегда вспоминала своих умерших в младенчестве двух дочерей.

Жители села занимались скотоводством и земледелием. Выращивали овец, свиней, коров. Основными выращиваемыми культурами были: рожь, конопля, овёс, свекла.

Ткали рогожу, холсты из конопли, в специальной «толчей» толкли кудель. Из холстов шили холщёвые рубашки, полотенца, которые затем расшивали, украшали вышивкой и кружевами. Кроме ткачества в селе были развиты такие народные промыслы, как вышивка, вязание.

Вышивали в селе гладью и крестом цветочный орнамент. Вышивкой украшали рушники, детское постельное бельё, подзоры, одежду.

Вязали кружева, которыми украшали распространённые и в других сёлах «подзоры», которые скрывали, что лежит под кроватью, так как там хранилось многое, а также ажурные прошвы-уголки на подушку. Кружева нашивали на нижнюю юбку, ими часто украшали праздничную одежду. У нас сохранилось много изделий, выполненных руками бабушки Елены.

По воспоминаниям дедушки Михаила и бабушки Елены, жили в селе весело, праздники отмечали посиделками с песнями. Дом Юлии Петровны и Василия Устиновича всегда был открыт для гостей, и очень часто в их доме были посиделки. Хоть и на стол нечего было сильно поставить, но отварная картошка и соленья всегда были на угощение, выпивали в основном медовуху или свекольную брагу. Праздник воспринимался как нечто противоположное будням, что-то такое священное. В этот день запрещалось выполнять повседневную работу. Кроме этого праздник обязывал людей нарядно одеваться, для разговора выбирать темы приятные, весёлые, иначе вести себя: быть приветливыми и гостеприимными.

На третий день Троицы на улице организовывали стол: все приходили со своим угощением и основным блюдом в этот вечер была жареная на костре яичница.

Валентина в шестнадцать лет после окончания семи классов тринадцатого февраля 1953 года вышла замуж за Бородина Николая Борисовича; он был на восемь лет старше её.

Василий Устинович в одной из поездок к сёстрам на Украину впервые увидел телевизор и решил обязательно купить себе тоже. Весь год он усиленно брался за все заказы по шитью шуб и обуви, а деньги откладывал на покупку телевизора. В 1967(68) году семья в числе первых жителей Кужебара приобщилось к телевидению (был куплен телевизор «Красноярский рассвет»). Телеантенну (длинную жердь) помогала ставить вся улица, так своего телеретранслятора в селе не было, приходилось ловить волны из г. Абакана. Часто собирались жители улицы на просмотр какой-либо передачи.

Василий Устинович и Юлия Петровна вместе прожили 26 лет. Умер Василий Устинович в 74-летнем возрасте 25 января 1971 году. Юлия Петровна ещё долго жила без своего супруга. Часто к ней обращались жители села за помощью и советом: заговорить грыжу или полечить от испуга детей.

Рядом в соседнем доме жил сын Михаил с женой и детьми и прабабушка Юлия присматривала за внуками. Умерла Юлия Петровна в 88-летнем возрасте в 1990 г.

В семье всегда уважительно относились к родителям. Ничего не утаивалось, старшие передавали свой жизненный опыт из поколения в поколение. Все трудились честно и добросовестно, чем я могу гордиться.

Заключение

Родословное древо семьи Селиных по отцовской линии папы, такое же большое, как и по материнской линии, но всё-таки детей в семьях было меньше. У Селина Никиты Михайловича – 5 детей (3 сына и 2 дочери), у Селина Михаила Никитича – 12 детей (5 сыновей и 7 дочерей), у Селина Дементия

Михайловича – 6 детей (4 сына и 2 дочери), у Селина Тимофея Дементьевича – 4 детей (1 сын и 3 дочери – двое умерли в детском возрасте), у Чиркова Архипа Лукьяновича – 5 детей (4 сына и 1 дочь), у Чиркова Иоанна Архиповича – 7 детей (4 сыновей и 3 дочери) у Чиркова Петра Иоанновича – 7 детей (4 сына и 3 дочери).

Большую часть мужской половины забрала вначале финская, потом Первая мировая (Германия) и Великая Отечественная война, не дав разрастись роду ещё больше.

Я очень рада, что занялась этой работой. Людей, о которых я здесь попыталась рассказать, я не знала. Не всех видела на фотографиях. Но, благодаря этой работе, я познакомилась с ними. И теперь с ужасом думаю, что та тоненькая нить, соединяющая предков с моими будущими детьми, могла с лёгкостью порваться. Но этого не произойдёт. Мои дальние родственники продолжают жить в моём сердце, моей памяти. Каждый дал мне что-то свое. А я понесу эти воспоминания дальше. Жизнь продолжается.

Сведения о своём происхождении, полученные путем проведённого генеалогического исследования, несут глубокий личностный смысл и личностную значимость в качестве положительного примера. Примеры, почерпнутые в результате анализа жизни и деятельности представителей данного генеалогического древа, ценны своей наглядностью и конкретностью.

На мой взгляд, семья – это основа, на которой держится всё наше общество, и наш долг заключается в уважении семейных ценностей.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941-1945: энциклопедия.-/Гл.ред. Козлов – М.: Сов. энциклопедия, 1985. -832 с.
2. <http://bsk.nios.ru/content/bravy-rebyatushki-zametki-istorika-o-novobrancax-carskoy-armii> «Бравы ребяташки. Заметки историка о новобранцах царской армии.»

Опубликовано: Зверев, В. А.: 1) «Отдавали под барабан: заметки историка о новобранцах царской армии» / В. А. Зверев // Воин России / М-во обороны РФ, Сиб. воен. окр. – 1992. – № 9 (июнь). – С. 8–9; 2) «Бравы ребятаушки»: заглянем в святцы / В. А. Зверев // Советский воин / М-во обороны РФ. – 1993. – № 2. – С. 63–65.

3. <http://ru.wikipedia.org>

4. <http://familytrees.genopro.com/kravchenkoruslan/>

5. Большая советская энциклопедия М.; 1975 стр. 617

6. ЦАМО Ф.58. Оп.818883. Д.1309

7. ЦАМО Ф.58. Оп.977522. Д.223

Приложение 1.

Фото 1938 г.. Селин Михаил и Тимофей Дементьевич, фото в фотосалоне в с. Каратузское. Награда за хороший труд.

Приложение 2.

Фото 1939 г.. Тимофей Дементьевич, фото в фотосалоне г. Минусинска.

Награда за хороший труд.

Приложение 3.

Фото 193.? г.. Надпись на обороте: «На память брату Тимофею» (от брата Егора? Ивана? Федота?)

Приложение 4.

Фото 1937 (38) г.. Юлия Петровна с дочками (слева – девочка постарше, которая не была записана в книге учёта населения и умерла; на руках у матери – Валентина).

Приложение 5.

Фото 1954 г.. 1 ряд сверху: Сеницын Илья (сродный брат Михаила), Вдовин Александр Семёнович (муж сродной сестры Михаила), Селин Михаил Тимофеевич, Чирков Иван Ильич (сродный брат Михаила).

2 ряд: Сеницына Евдокия (жена сродного брата Михаила), Вдовина (Сухорослова) Евдокия Архиповна (сродная сестра Михаила), Селина Надя (дочь Михаила), Селина Елена Изосимовна (жена Михаила), Чиркова Мария (жена брата Михаила).

Приложение 6.

Фото 1960 г.. Гуляния на Троицу на «Малой поляне» у Девичьей протоки.

Приложение 7.

Фото 1960 г.. Юлия Петровна и Василий Устинович Макачук.

Фото 196.? г.. Бородины Валентина Тимофеевна (сестра Михаила) и Николай Борисович.